

ВЛАДИМИР РЕЗНИК,

доктор социологических наук, заведующий отделом истории и теории социологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев, Шелковичная, 12)

VOLODYMYR REZNIK,

Doctor of Sciences in Sociology, Head of the Department of History and Theory of Sociology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

volodymyr.reznik@gmail.com

http://orcid.org/0000-0001-9955-0034

Анализ исследовательских программ: социологический ракурс¹

«В течение столетий знанием считалось то, что является доказательно обоснованным (proven) — силой интеллекта или реальными ощущениями. Мудрость и чистота разума требовали воздержания от высказываний, лишенных доказательности; промежуток между абстрактными рассуждениями и бесспорным знанием, пусть только мыслимым, нужно было свести к нулю. Но способны ли интеллект или ощущения доказательно обосновать знание?»
«... большинство ученых имеют такое же представление о том, что такое наука, как рыбы — о гидродинамике»

(И. Лакатос)².

Вступление

Неординарными событиями в социологическом дискурсе в Украине являются докторские монографии, авторы которых откровенно основывают свои научные поиски на методологии анализа исследовательских программ И. Лакатоса [Кутуев, 2005, 2017; Малиш, 2019]. Подобные проявления проникновения этой общенаучной постпозитивистской методологии в среду украинско-

1 Статья подготовлена в ходе выполнения научно-исследовательской работы Института социологии НАН Украины «Теоретические исследовательские программы в современной социологии: тренды и потенциал».

2 См.: [Лакатос, 2013: с. 7; Лакатос, 2007: с. 27].

Цитирование: Савельев, Ю. (2021). ПрРезник, В. (2021). Анализ исследовательских программ: социологический ракурс. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 104–128, <https://doi.org/10.15407/sociology2021.04.104>.

го социологического профессионального сообщества актуализируют интерес к Лакатосовому подходу. В мировой социологии, как и в других социальных и поведенческих науках, методология анализа исследовательских программ применяется уже несколько десятилетий подряд [Alexander, 1982: pp. 24–35; Leong, 1985; Vasquez, 1997; Heidtman, Wysienska, Szmata, 2000: pp. 15–17]. Ныне опыт этого применения заслуживает внимания и в украинском социологическом дискурсе. Но его осмыслению должно предшествовать осознание специфики указанной методологии с сугубо социологического ракурса. То есть необходимо очертить ее отличительные особенности — исходя из проблематики и задач истории социологии. Поэтому задачей данной статьи является соответствующее рассмотрение истоков и содержания Лакатосовой методологии анализа научных исследовательских программ. Но начать здесь следует с обзора разных версий позитивизма в социологии и философии науки, из которого и на фоне которого возник постпозитивизм.

Позитивизм в социологии и философии науки

Термин «позитивизм» обозначает ряд методологических ориентаций в социологии и философии науки. Например, польские социологи выделили и исследовали четыре стадии позитивизма: ранний позитивизм, логический позитивизм, инструментальный позитивизм и, наконец, постпозитивизм [Heidtman, Wysienska, Szmata, 2000: pp. 9–17]. Стадию раннего позитивизма они связывают с философской доктриной О. Конта и его последователей (Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и др.). Фундаментом раннего позитивизма считаются Контовы идеи, касающиеся научного вывода (inference) и единства науки. Основой науки он считает установленные факты, базирующиеся на чистом наблюдении, а установленные связи между такими фактами конституируют научные законы без какой-либо потребности в абстрактных сущностях (entities), подобных тем, что мы находим в метафизике и философии. Конт признает науку единственной четко определенной формой исследования, применимой для изучения любых ареалов человеческого опыта. В точных естественных науках, в частности физике, он усматривает методологический идеал или стандарт для остальных наук, включая гуманитарные.

Контово постулирование непосредственных взаимосвязей между процессами в феноменальном мире и научными законами иногда трактуется как безусловный эмпиризм. С этой точки зрения, научные законы являются не чем иным, как сугубо эмпирическими законами. Впрочем, Дж. Тернер аргументированно считает позицию Конта в отношении эмпиризма далеко не такой однозначной. В частности, эмпиризму противоречат Контовы утверждения в его «Курсе позитивной философии» (1930). В одном из них Конт подчеркивает теоретическую релевантность наблюдения: «Если является истинным, что каждая теория должна базироваться на наблюдаемых фактах, в равной мере истинным является то, что факты не могут наблюдаться без установки со стороны какой-либо теории» (цит. по: [Turner, 1979: p. 236]). В другом Контовом утверждении прямо отмечается вред эмпиризма и невозможность наблюдения без теории: «Следующим большим препятствием для использования наблюдения является эмпиризм, который внедряют в него те, кто ради непредрвзятости запрещает

использование любой теории. Кажется, ни одна догма не может быть более непримиримой с духом позитивной философии... Ни одно реальное наблюдение за каким-либо феноменом невозможно в той мере, в которой оно не является изначально направляемым и в конечном счете интерпретируемым какой-либо теорией» (цит. по: [Turner, 1979: p. 237]). Наблюдение при сборе эмпирических данных и накоплении опыта видится всегда заранее теоретически нагруженным и направляемым. В итоге Тернер настаивает на бессосновательности обвинений в «голом», «грубом» и «бессмысленном» эмпиризме не только Конта, но и других ранних позитивистов-социологов — Г. Спенсера и Э. Дюркгейма.

Но в целом ранний позитивизм провозглашал требования эмпирического опыта конечным основанием человеческого познания, поскольку отрицал возможность познания вневещных объектов, само определение которых исключает их чувственно воспринимаемое бытие. Для ранних позитивистов не существовало сущностей (*essences*), лежащих за пределами сферы исследуемого феномена, и «идеальных» объектов, соответствующих универсальным абстрактным терминам. Достоверным они полагали лишь научное знание, имеющее своим источником наблюдения и основывающееся на причинно-следственном объяснении и индуктивном обобщении.

Технически усовершенствовать методологию раннего позитивизма пытались представители течения логического позитивизма — философы науки, которые входили в Венский кружок (М. Шлик, Э. Мах, Р. Карнап, К. Гемпель, О. Нейрат и др.). Они считали целесообразным применять принцип верификации в эмпирическом доказательстве истинности утверждений, претендующих на статус научных. Верификация научных утверждений — проверка их истинности путем сопоставления с достоверными эмпирическими фактами, выяснения соответствия указанных утверждений этим фактам. Первоначально принцип верификации предполагал, что значение научных понятий в утверждениях исчерпывается эмпирическими референциями и его (это значение) принципиально всегда можно редуцировать к эмпирическим наблюдениям. Из этого вытекало, что теоретические понятия фактически являются эмпирическими категориями, а единственными научно значимыми утверждениями — лишь те, которые могут быть протестированы наблюдениями. Поэтому верифицированную научную теорию можно редуцировать к протокольным утверждениям, которые фиксируют результаты наблюдений — данные «чистого (эмпирического) опыта». Отсюда наука в целом редуцируется к утверждениям о непосредственно наблюдаемых фактах, а любое утверждение в ней, которое не является ни аналитическим, ни эмпирическим, элиминируется как лишнее смысла. Научные законы сводятся, по сути, к эмпирическим утверждениям и обобщениям. Нормы и стандарты научного метода усматриваются в естественных науках: наиболее точная форма научного объяснения должна основываться на «всеохватывающих законах» («*cowering law*») или «дедуктивно-номологической» модели, в которой *explanandum*¹ дедуцируется из комбинации начальных условий и универсального закона.

Вместе с тем представители логического позитивизма признавали важность абстрактных теоретических составляющих в научном методе, то есть учитывали существование «ненаблюдаемых сущностей» («*nonobservable entities*»). При-

1 Факт, вещь или высказывание, которые подлежат экспликации или объяснению.

знание роли теоретических понятий в продуцировании научных знаний позже стало причиной их отказа от редуцирования значений этих понятий к сугубо эмпирическим референциям. Это означало ревизию тезиса о возможности полного редуцирования теоретических понятий (*concepts*) и научных теорий к сугубо протокольным утверждениям наблюдения. В итоге принцип верификации был усложнен. В частности, его дополненное содержание эксплицировал Л. Вакан: «... научное знание опирается на основание фактов, сформулированных посредством протокольных утверждений» (Мах), которые обеспечивают достоверную непосредственную фиксацию чувственного опыта, полученного с помощью «правил корреспондентности» (Карнап), образующих мостик между теоретическим языком и языком наблюдения» (цит. по: [Heidtman, Wysienska, Szmataka, 2000: p. 12]). В этом определении верификации речь идет уже о дифференциации языка теоретических понятий и языка протоколов наблюдений, а значит — и о необходимости правил корреспонденции (*correspondence rules*), которые связывают разрозненные наблюдения с теорией. Наконец, философы Венского кружка пришли к выводу о том, что теоретические понятия не могут быть непосредственно производными от языка наблюдений или редуцируемыми к ним, а утверждения наблюдения (*observation statements*) не могут быть совершенно «свободными от теории» («theory-free»).

Вследствие рецепции логико-позитивистской модели научного объяснения в социологии возник инструментальный позитивизм (Дж. Ландберг, П. Лазарсфельд, Э. Нагель, Г.Л. Зетерберг и др.). Г.Л. Зетерберг дал следующую общую характеристику этой сугубо социологической методологической ориентации: «натуралистическая традиция социальных исследований, стремящаяся достичь стандартов строгости, сопоставимой со стандартами физики или биологии ... [...] ... Она отличается сосредоточенностью на вопросах методов и измерений, включая совершенствование статистических техник, своим акцентом на операционализации и верификации» (цит. по: [Heidtman, Wysienska, Szmataka, 2000: pp. 13–14]). Представители инструментального позитивизма направляли свои усилия на конструирование «естественной науки об обществе» при помощи операциональных дефиниций социологических понятий. Стремление этой науки должны были стать невсеобщие (*casual*) законы, полученные на основе данных наблюдений и верифицированные при помощи статистических техник (которые дают вероятностные закономерности).

Впервые инструментально-позитивистские принципы артикулировал Дж. Ландберг. В своей работе «Основы социологии» (1939) он утверждал, что методы естественной науки непосредственно применимы к изучению поведения человека. Ландберг адаптировал для социологии позитивистские принципы преимущественно из физики и из доктрины «операционализма» П.В. Бриджмана. Согласно этой доктрине, значение переменной определяется операциями, необходимыми для ее измерения.

Позже основополагающей для инструментального позитивизма стала работа Г.Л. Зетерберга «О теории и верификации в социологии» (1965), в которой описано проведение социологических исследований:

- объяснение в социологии должно принимать ту же самую дедуктивно-номологическую форму, которую оно имеет в естественной науке;

- формализованный язык, которого требует социология, чтобы быть эмпирической наукой, предполагает строгий критерий сводимости (reducibility) теоретических терминов к терминам языка наблюдения;
- в идеальной теории редуцирование содержания всех теоретических понятий второго порядка к набору «первичных терминов» («primitive terms») становится возможным посредством процедур формальной логики. Первичные термины теоретической социологии в целом отсылают к наблюдениям за поведением акторов во взаимодействиях (див.: [Heidtman, Wysienska, Szmatka, 2000: p. 14]).

Признание Зетербергом роли понятий и дефиниций в социологическом исследовании проявляется в его акцентировании радикального отличия понятий от данных. Но несмотря на то, что понятия могут служить для классификации и описания, только пропозиции, которые были индуктивно выведены из наблюдений, по его мнению, могут привести к реальному теоретическому объяснению. Собственно такие систематически организованные и подобные закону высказывания об обществе, которые могут быть подтверждены фактами, Зетерберг считает «теорией» в том смысле, в котором это слово используется в науках. С этой точки зрения, цель социальной науки — сделать формулировки обобщений более точными и верифицировать их на результатах эмпирических исследований. Такие обобщения следуют из постепенной аккумуляции исследований и образуют дедуктивную иерархию.

Основы инструментального позитивизма получили развитие в трудах П. Лазарсфельда, Э. Нагеля и К. Гемпеля. В частности, Лазарсфельду принадлежит ряд методологических нововведений в социологии — многомерный (multivariate) анализ, выборку «снежного кома» (snowball sampling) и латентно-структурный анализ. Введением общенаучных количественных методов, операциональных определений и квазиэкспериментального дизайна социологи пытались приблизить собственные исследования к научным стандартам точных наук. В итоге разработка теории и ее применение с использованием методов логической операционализации, шкалирования и измерения, логической индукции и дедукции должны были приобрести цикличность (рис. 1).

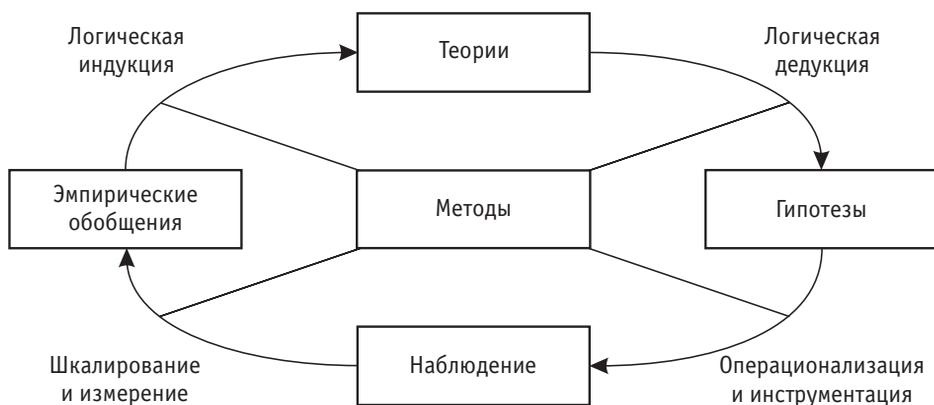

Рис. 1. Цикличность исследовательской работы в социологии, согласно В. Уоллесу [Асп, 2000: с. 83]

Исходя из инструментально-позитивистской методологии, цикл накопления социологического знания начинается наблюдениями. С использованием средств шкалирования и измерения в ходе наблюдений продуцируются эмпирические обобщения. На почве эмпирических обобщений согласно формальным правилам логической индукции формулируются теории. Далее на основе теорий согласно правилам логической дедукции генерируются гипотезы, верифицируемые в ходе наблюдений, и т.д.

Более поздней и сложной версией позитивизма в философии науки и в социологии является постпозитивизм (К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд, И. Лакагос, С. Тулмин, Дж. Александер и др.). Постпозитивисты подвергают сомнению ряд оснований логического позитивизма и предлагают собственные оригинальные модели развития науки.

Модели развития науки К. Поппера и Т. Куна

К. Поппер не считал возможным придерживаться строгого различия между теоретическим языком и языком наблюдения, да и вовсе признавать существование языка наблюдения в логико-позитивистском смысле. Поскольку, с его точки зрения, научная теория не предполагает использования двух языков — языка наблюдения и языка теоретических терминов, то, естественно, отбрасывается и идея правил корреспонденции между ними. Вместо этого речь идет скорее о наложении и пересечении двух употреблений одного теоретического языка. Благодаря ему теория концептуально упорядочивает мир, направляет исследователей на осмысленное восприятие будущих событий в нем и привлекает их внимание к вещам, которых в противном случае им никогда не пришлось бы наблюдать.

При эмпирическом обосновании теории Поппер предлагал отказаться от логико-позитивистского принципа *верификации*¹ и придерживаться вместо этого принципа *фальсификации*². Он исходил из эвристического правила: «выдвигай гипотезы, обладающие большим эмпирическим содержанием, чем у предшественников». Одновременно Попперовым девизом были креативность в выдвигании собственных гипотез и бескомпромиссность в отношении их: «Быть смелым, выдвигая гипотезы, и беспощадным, опровергая их». Он считал, что факты реального мира могут только опровергнуть и никогда не смогут окончательно подтвердить содержание теоретических построений. Поскольку невозможно исследовать все эмпирические факты, которые подтверждают гипотезу или теоретическое утверждение, то следует искать факты, которые их опровергают. Для опровержения (фальсификации) теоретического утверждения достаточно, чтобы его не подтверждал всего один эмпирический факт. Вместо того,

1 Верификация (от лат. *verus* — истинный и *facere* — делать) — способ проверки истинности теоретических утверждений (гипотез, теорий) путем сопоставления их содержания с содержанием полученных в опыте эмпирических данных.

2 Фальсификация (от лат. *falsus* — ошибочный и *facio* — делать) — научная процедура проверки истинности теоретических утверждений (гипотез, теорий) посредством опровержения, с тем чтоб убедиться, что они не являются принципиально непроверяемыми. Принцип фальсифицируемости (согласно Попперу) является критерием дифференциации науки и философии («метафизики»).

чтобы искать подтверждение и осуществлять верификацию теории, целесообразнее попытаться опровергнуть ее. Если теорию можно опровергнуть, учитывая задуманные для этого наблюдения, то от нее следует отказаться. В то же время фальсификационизм Поппера исходил из конвенционального толкования науки. Науку он рассматривал не только как корпус утверждений, но и как систему конвенций между учеными, а эмпирическое тестирование теорий считал невозможным без общего публичного признания и принятия ряда методологических решений. Этими решениями конвенционально согласовывается то, что исследовательские действия получают статус наблюдения, что следует рассматривать как наблюдаемые факты, является ли, исходя из них, теория фальсифицируемой и каковы критерии опровержения теории.

Применение Попперового критического рационализма и фальсификационизма в социальных науках предполагало постоянное рационально-критическое оспаривание всех предлагаемых решений разных социально-научных проблем [Popper, 2017: S. 217]. Решения, которые сразу не опровергаются и выдерживают такую рациональную критику, предварительно принимаются как заслуживающие последующего обсуждения и критического оспаривания. Ни одна теория не считается свободной от рациональной критики, орудием которой является категория логического противоречия (между предполагаемым знанием и достоверными фактами). В практической плоскости «развитие социальных наук в значительной мере стимулируется критикой проектов социальных усовершенствований, или точнее, попытками выяснить, можно ли от конкретного экономического или политического способа поведения с определенной вероятностью ожидать желаемого результата» [Поппер, 1994: с. 81]. Такой технологический подход видится Попперу плодотворным и для постановки важных проблем сугубо теоретического характера, поскольку заставляет согласовывать теории с определенными стандартами ясности и практической проверки. Это должно существенно дисциплинировать спекулятивные наклонности теоретиков в области социологии.

Т. Кун предложил постпозитивистскую модель науки и научного развития, основанную на идее парадигмы. Он считал парадигмой «признанные всеми научные достижения, которые на протяжении определенного времени дают модель постановки проблем и их решения научному сообществу» [Кун, 2001: с. 9]. Впрочем, понятие парадигмы у Куна не является однозначным. В разных моментах своего изложения он идентифицировал парадигму как общекультурные допущения, объяснительные модели, методологические принципы, символические обобщения, специфические эмпирические примеры и т. п. Это приводило к различным интерпретациям и критике использования понятия парадигмы. Поэтому со временем парадигму условно переопределили как «фундаментальные допущения, которые ученые делают в отношении мира, который они изучают» [Vasquez, 1997: p. 900]. Парадигма касается определенного домена науки и ориентирует ученых, какие исследовательские вопросы им следует рассматривать и каких правил нужно придерживаться при интерпретации результатов этого рассмотрения. С принятием определенной парадигмы ученые предполагают, что рассматривая мир исходя из нее, они смогут понять изучаемый предмет. То есть парадигмы дают ученым не столько готовые ответы на их запросы, сколько основания для надежды получить такие ответы.

Как предполагает Кун, на основе общей парадигмы генерируется «семейство», то есть множество родственных теорий, которые разделяют ее фундаментальные предположения о том, как функционирует мир. С этой точки зрения, научная дисциплина, лишенная своей центральной образцовой парадигмы, находится на допарадигмальной стадии. Кун считает, что с переходом на парадигмальную стадию наука изменяется циклически. Цикл ее изменений начинается с появления одной парадигмы, признаваемой почти единодушно в определенном научном сообществе. Эта парадигма генерирует теории для решения специфических научных проблем — «пазлов» — в течение периода так называемой «нормальной науки». По мере накопления аномалий — отклонений от ожидаемых (исходя из парадигмы) результатов исследований — в развитии науки может наступить кризисный этап. В частности, кризис могут вызывать многочисленные неудачные попытки укрощения аномалий в русле устоявшейся парадигмы. Вследствие кризиса возможны отказ от старой и принятие новой парадигмы в ходе так называемой «научной революции». Научное сообщество оценивает правильность и продуктивность парадигм, с точки зрения их способствования развитию науки. Такая оценка является опосредованной — через определение, отвечают ли критериям адекватности теории, генерируемые на основе соответствующей парадигмы.

Кунова парадигмальная модель анализа развития науки плодотворно разрабатывается в истории социологии. В частности, на основе этой модели сформировался метатеоретический подход к социологии как мультипарадигмальной науке [Ритцер, 2002: сс. 571–581]. В его рамках обосновано выделение трех доминирующих социологических парадигм — парадигм социальных фактов, социального определения и социального поведения, а также очерчена предметная область интегрированной социологической парадигмы. В последние годы мультипарадигмальность социологии реинтерпретируется как «метопарадигмальная структура современного социологического знания» в составе классической, неклассической и постклассической метопарадигм [Мельников, 2018: сс. 17–35; Мельников, 2019]. Однако в социологии нет недостатка и в опровержениях парадигмальных следствий из ее истории и теоретизирования. К примеру, Дж. Тернер определяет социологию как *пред-парадигмальную* науку, поскольку предполагает, что понятие парадигмы, введенное в научный оборот Т. Куном, слишком сильное для того, чтобы отражать реальное текущее состояние социологического теоретизирования.

И. Лакатос отметил ряд расхождений Попперовой и Куновой моделей научного развития (табл. 1).

В сравнительном контексте проявились сильные и слабые идейные составляющие этих моделей. Прежде всего Лакатос отметил проблематичность Попперовой стратегии фальсификации единичных теорий: ни одна отдельная теория никогда не может быть окончательно фальсифицирована, ибо доказательства против нее могут быть учтены в дополнительных вспомогательных теоретических утверждениях¹. Таким образом одну теорию можно просто постепенно заменить другой, никогда не отбрасывая их общих фундаментальных допу-

1 Принимая во внимание отмеченную проблематичность, методологический фальсификационизм Поппера определяется как «наивный» [Лакатос, 2013: сс. 7, 9–10].

щений. Кунова модель науки здесь представлялась более уместной, поскольку предполагает, что господствующая парадигма генерирует семейство теорий, одни из которых могут просто постепенно сменяться другими без того, чтоб отбрасывать общие фундаментальные парадигмальные основания. То есть оценке должны подлежать не отдельные теории поодиночке, а серия интеллектуально связанных теорий в целом. Эвристическими виделись также следующие идеи Куна: а) об инспирированности научных наблюдений и эмпирических данных априорными фундаментальными теоретическими допущениями парадигмы; б) о возможности ее изменения не только при наличии эмпирических оснований, но и при появлении новых альтернативных парадигмальных основ; в) о непрерывности роста науки в русле определенной господствующей парадигмы.

Таблица 1

Расхождения в идеях развития науки К. Поппера и Т. Куна [Лакатош, 2013]

К. Поппер	Т. Кун
Наука — это процесс «перманентной революции», а ее движущей силой является рациональная критика. Наука прогрессирует благодаря «методу проб и ошибок»: новые теории постоянно разрабатываются, предлагаются, конкурируют и поочередно отбрасываются	Научная революция — исключительное «кризисное» событие. Прогрессирует только «нормальная наука» — при наличии господствующей парадигмы и предвзятости ученых в отношении ее критики. Критика парадигмы — признак разочарования в ней, ее «кризиса» и «паники» среди ученых
Смена научного знания является рациональной или, по крайней мере, может быть рационально реконструирована. Этим должна заниматься логика научного открытия	Смена научного знания — замены одной парадигмы другой — иррациональна и подобна смене религиозной веры. Это — предмет социальной психологии научного открытия
Описание объективного роста науки как рационального и сущностно локализованного в мире идей	Описание изменений в парадигмальном научном мышлении сообществ ученых в целом, а не отдельных ученых
Разработка объективных рациональных критериев для оценки развития научного теоретического знания возможна и необходима	Каждая парадигма имеет собственное понимание и критерии рациональности. Рациональных сверхпарадигмальных критериев для сравнения разных парадигм нет

Вместе с тем сильным аспектом Попперовой методологии признается его концепция рациональности, предполагавшая рациональную реконструкцию логики научного открытия: «Поппер заменил центральную проблему классического рационализма, старую проблему поиска оснований — новой проблемой ошибочно-критического развития, а также приступил к разработке объективных критериев этого развития» [Лакатош, 2013: с. 8]. В то же время Лакатос полагал проблематичным сведение Куном философии науки к психологии науки и его акцент на иррациональной природе отклонения учеными одной научной парадигмы и принятия другой. В итоге синтез Лакатосом этих отдельных сильных и эвристически-продуктивных идей Поппера и Куна воплотился в обосновании углубленного методологического фальсификационизма и методологии анализа научных исследовательских программ.

Углубленный¹ фальсификационизм И. Лакатоса

В разработке собственной версии фальсификационизма и методологии анализа продуцирования и развития научного знания Лакатос отчасти исходил из Куновской идеи коллективной природы этих процессов. Кун считал, что изучать следует не мышление отдельного ученого, а мышление научного сообщества. То есть исследованию должна подлежать не психология индивида-ученого, а социальная психология научного сообщества. Речь идет о коллективной парадигмальной мудрости научного сообщества, проявляющейся в последовательном генерировании и разработке теорий, инспирированных общей парадигмой. Однако Лакатос воспринял и реализовал идею коллективности науки не в социально-психологическом, а в рационально-логическом аспекте. Для этой реализации он реконструировал концептуальный инструментарий Куна, чтобы получить собственные, более релевантные понятийные средства анализа: «...мое понятие «исследовательской программы» можно понимать как реконструкцию, но в стиле объективного «третьего мира»², куновского социально-психологического понятия о парадигме...» [Лакатос, 2013: с. 13]. На фоне неоднозначности Куновских определений парадигмы, Лакатосово понятие исследовательской программы является довольно однозначным в плане своих конституирующих характеристик. Признаком определенной исследовательской программы в истории науки считается непрерывность, присущая некоторой последовательности теорий и связывающая их элементы в единое целое. То есть исследовательская программа является серией теорий, связанных общим для них набором постулатов, предположений и ключевых понятий, задающим единый теоретико-методологический контекст исследований определенного предметного сегмента науки. В то же время исследовательская программа охватывает ряд методологических правил исследований, которые можно формулировать подобно метафизическим или эвристическим принципам. Методологические правила исследовательской программы представляются структурированными (рис. 2).

Речь идет прежде всего о «твердом ядре» фундаментальных допущений, постулатов и теоретических пропозиций, которые задают исследовательскую программу и становятся для ее приверженцев бесспорными, неоспоримыми и неопровержимыми основаниями³. Это «твердое ядро» сугубо методологически

1 Углубленный (англ. sophisticated) — в смысле отличия от так называемой наивной Попперовской версии фальсификационизма. С точки зрения Лакатоса, наивная фальсификация на основе сугубо подтвержденных контрфактов не является достаточным условием для опровержения той или иной конкретной теории.

2 Речь идет о «третьем» из «миров», которые различали и выделяли в своих работах по философии науки К. Поппер и С. Тулмин: «Первый мир — материальных объектов, второй — мир сознания, третий — мир высказываний, истин, критериев, то есть мир объективного знания» [Лакатос, 2013: с. 13].

3 Образование «твердого ядра» в его завершенной и неопровержимой версии не является одномоментным: «В действительности твердое ядро программы, обычно, не возникает в полном боевом снаряжении, подобно Афине из головы Зевса. Оно вырабатывается постепенно в длительном подготовительном процессе проб и ошибок» [Лакатос, 2007: с. 24]. Также имеется в виду не объективная, а скорее субъективно предполагаемая неоспоримость «твердого ядра», принятая на веру участниками исследовательской программы: «Я говорю только о на-

обосновывается как предпосылка, делающая возможной саму исследовательскую программу, и условие ее успешности. Но возможны попытки оспаривания и опровержения исследовательской программы, включая ее «твердое ядро», со стороны приверженцев иных научных исследовательских программ-конкурентов. Основаниями для оспаривания и опровержения исследовательской программы являются «аномалии» или «контрпримеры» — достоверные факты, противоречащие ее постулатам, допущениям и утверждениям. Исследовательская программа неизбежно входит в противоречие с альтернативными теориями, обнаруживающими эти аномалии. Приверженцы исследовательской программы защищают ее от оспаривания и опровержения со стороны своих соперников. Эта защита осуществляется при помощи оспариваемых, изменяемых и опровергаемых вспомогательных теорий, гипотез и моделей. Аномалии и контрпримеры в этих вспомогательных теориях, гипотезах и моделях «адаптируются» — реинтерпретируются как примеры действенности данной исследовательской программы. Таким образом появляется «защитный пояс» исследовательской программы, который постоянно модифицируется, совершенствуется, расширяется и даже полностью изменяется в случае появления эмпирических аномалий и вызовов со стороны конкурентов.

Отличие «твердого ядра» и «защитного пояса» как структурных составляющих исследовательской программы проявляется в их эвристических свойствах. Защита «твердого ядра» исследовательской программы от угроз его опровержения выступает в функции «негативной эвристики» — методологических правил, указывающих исследователям на то, каких путей исследования нужно избегать. Негативная эвристика предотвращает разработку научных теорий, которые будут несовместимыми с исходными фундаментальными допущениями, то есть «твердым ядром» исследовательской программы. Вместе с тем необходимость развития своеобразного «защитного пояса» для защиты неизменного «твердого ядра» исследовательской программы выступает в функции «позитивной эвристики» — методологических правил, предусматривающих то, какие пути исследования нужно выбирать и как по ним продвигаться. Позитивная эвристика нацеливает исследования для разработки служебных гипотез, которые предотвращают явные противоречия исследовательской программы с эмпирическими данными. Также позитивная эвристика специфицирует форму разрабатываемых вспомогательных теорий для противодействия эмпирическим аномалиям, контрфактам и опровержениям исследовательской программы. Такие аномалии, контрфакты и опровержения не игнорируются, а скорее фиксируются для их нейтрализации в дальнейшем — в случае появления эвристического потенциала для этого. Позитивная эвристика определяет плодотворность, устойчивость и развитие исследовательской программы, что проявляется в способности ее приверженцев переформулировать свои вспомогательные теории, учитывая концептуальную критику и новые эмпирические факты.

учных исследовательских программах, твердое ядро которых предстает как неоспоримое, но не обязательно по формальным, а, возможно, и по методологическим причинам, которые не имеют отношения к логической форме» [Лакатош, 2013: с. 10]. Сторонники исследовательской программы воспринимают постулаты ее «твердого ядра» как бесспорные универсальные теоретические пропозиции.

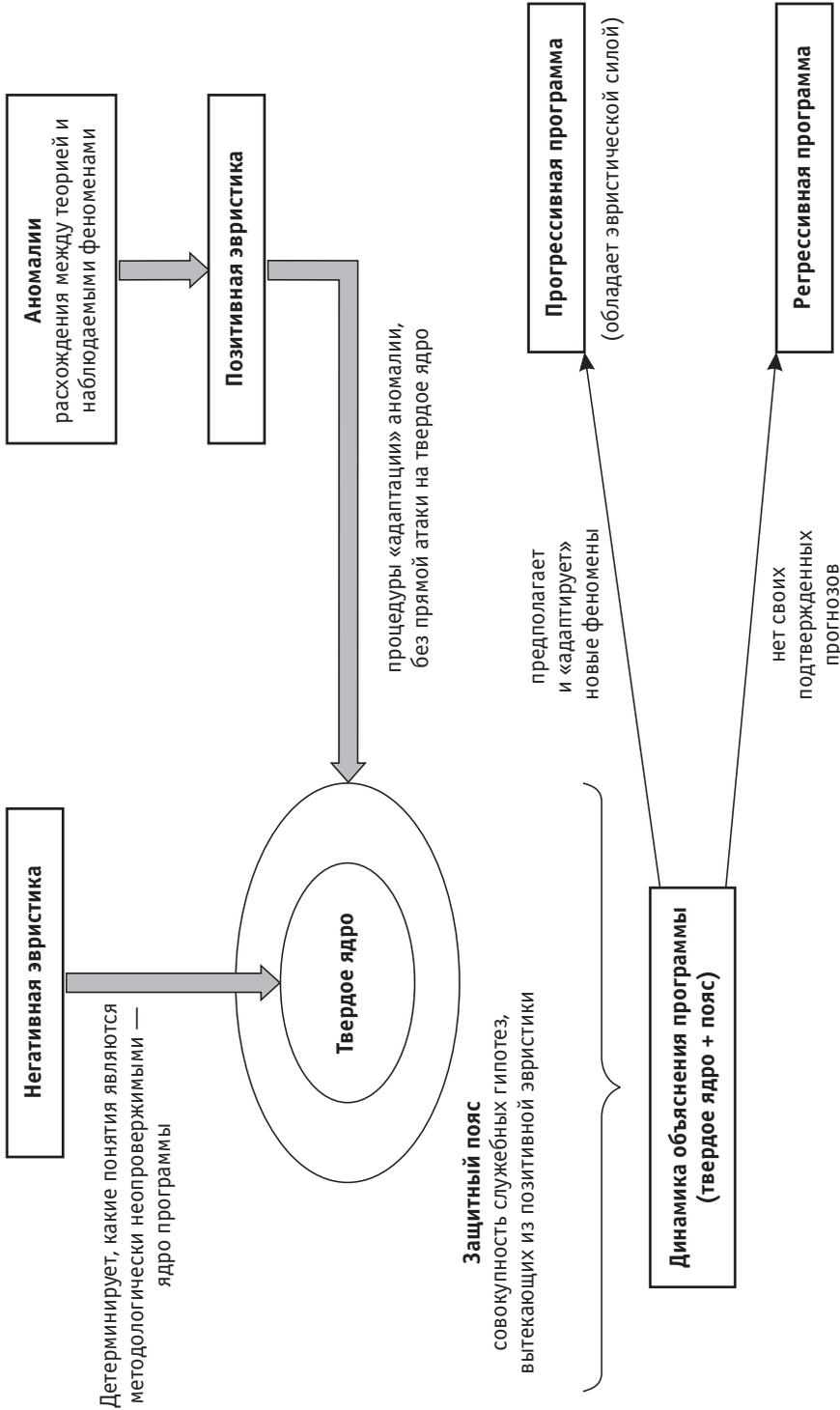

Рис. 2. Составляющие и механизм функционирования научной исследовательской программы согласно И. Лакагосу [Arthur, Terrazan, 2018]

Указанные усилия приверженцев исследовательской программы могут иметь результатом превращение реинтерпретированных эмпирических аномалий и контрпримеров в аргументы, подкрепляющие программные основы. Не исключено и расширение сферы эмпирически наблюдаемого благодаря предположению новых фактов и увеличению эмпирических оснований исследовательской программы. Такие успешные адаптивные изменения «защитного пояса» программы трактуются как прогрессивный сдвиг научных проблем в ее предметной области. Условием прогресса программы считается приращение теоретического и эмпирического научного знания: «Нужно, чтобы каждый следующий шаг исследовательской программы вел к увеличению содержания, иными словами, способствовал *последовательно прогрессивному теоретическому сдвигу проблем*. Кроме того, нужно, чтобы, по крайней мере время от времени, это увеличение содержания подкреплялось ретроспективно; программа в целом должна *рассматриваться как дискретно прогрессивный эмпирический сдвиг*» [Лакатош, 2007: с. 12]. «Сдвиг проблем» считается прогрессивным при двух одновременных условиях. Он должен быть, во-первых, теоретически прогрессивным, то есть связанным с теоретическими предположениями каких-либо новых, доселе неизвестных фактов. Во-вторых, он должен быть также эмпирически прогрессивным, то есть основываться на реальном эмпирическом подтверждении этих новых предположений. По объему эмпирического содержания новое теоретизирование в рамках прогрессирующей исследовательской программы должно превосходить как ее предыдущее теоретизирование, так и теоретизирование в рамках других исследовательских программ-конкурентов. Программа прогрессирует и ретроспективно — за счет теоретической реинтерпретации ранее зафиксированных, но научно не объясненных эмпирических аномалий и контрфактов.

Приверженцы исследовательской программы руководствуются ее «позитивной эвристикой», абстрагируются от эмпирических аномалий, контрпримеров и опровержений и сосредоточиваются на конструировании моделей исследуемой реальности. Под «моделью» здесь понимается «множество предельных условий (возможно, вместе с некоторыми «созерцательными» теориями), о которых известно, что они должны быть заменены в ходе дальнейшего развития программы» [Лакатош, 2007: с. 13]. Будучи сформирована, исследовательская программа может начинать с конструирования моделей «идеальных», несуществующих объектов. На место прежних моделей приходят новые, более релевантные исследуемой эмпирической реальности. Модели помогают генерировать новые постижения (insights) исследуемых феноменов и позволяют тестировать эти постижения. Так продолжается до тех пор, пока позитивная эвристика не вычерпывает свои ресурсы и исследовательская программа в целом не переходит в регрессивную фазу. Таким образом, в судьбе научной исследовательской программы определяющей является ее позитивная эвристика: от нее в основном зависит то, какие проблемы подлежат рациональному выбору ученых, работающих в рамках конкретной исследовательской программы. С этой точки зрения сила исследовательских программ определяется тем, сколько известных научных фактов они теоретически интерпретируют и реинтерпретируют и сколько новых фактов они вводят в научный оборот посредством их теоретической (ре)интерпретации. То есть в целом методология научных ис-

следовательских программ четко очерчивает, акцентирует и объясняет «относительную автономию теоретической науки».

Вместе с тем главным стимулом развития научной исследовательской программы Лакатос считает «психологически неутешительные, но технически неизбежные аномалии», которые ей противоречат. В преодолении таких противоречий между научными исследовательскими программами и аномалиями он усматривает смысл науки как пути поиска истины: «... *противоречивость* — в точном значении этого термина¹ — *должна оставаться важнейшим регулятивным принципом* (пребывающим вне и над требованиями прогрессивного сдвига проблем); *выявление противоречий должно рассматриваться как проблема*. Причина проста. Если цель науки — истина, то наука призвана добиваться непротиворечивости; отказываясь от непротиворечивости, наука отказалась бы и от истины» [Лакатош, 2007: с. 17]. Продуктивность исследовательской программы зависит от отношения ее приверженцев к аномалиям или противоречиям. Пренебрежение такими противоречиями или примирение с ними неприемлемы в науке, а безоглядные попытки их устранения при условии дефицита эвристических оснований — непродуктивны. Продуктивным же является сугубо взвешенный рациональный подход исследователей к аномалиям: «... как только противоречие — или аномалия найдены, ... разумный выход...: устроить для данного противоречия временный карантин при помощи гипотез *ad hoc* и довериться позитивной эвристике программы» [Лакатош, 2007: с. 17]. То есть сознательно признаются и временно допускаются определенные пробелы в теоретическом знании, пока планомерно создаются концептуальные предпосылки их дальнейшего качественного заполнения теоретизированием. Однако вспомогательные пропозиции в форме *ad hoc* (*специальных*) гипотез не дают никаких новых фактов и нового эмпирического содержания и трактуются как «сугубо лингвистические упражнения». Такие специальные объяснения могут лишь скрывать фактическое сужение эмпирического содержания исследовательской программы, а не предотвращать его. Если количество гипотез *ad hoc* будет возрастать и они не будут заменяться концептуальными объяснениями, которые дают приращение теоретического и эмпирического содержания исследовательской программы, она в конечном счете должна перейти в регрессивную фазу, исчерпав свой эвристический потенциал. Когда программа находится в регрессивной фазе, то главные

1 Лакатос предлагает собственную интерпретацию указанного термина: «Два высказывания образуют противоречие, если их конъюнкция не имеет модели, то есть не существует интерпретации их дескриптивных терминов, для которой эта конъюнкция является истинной. В обычных рассуждениях термины используются гораздо шире, чем в формальном дискурсе; отдельные дескриптивные термины получают фиксированную интерпретацию. В этом неформальном значении два высказывания могут быть (слабо) противоречивыми при стандартной интерпретации некоторых смыслообразующих терминов, хотя формально, при нефиксированной интерпретации, они могут быть совместимыми. ... Не следует торопиться со стандартными интерпретациями терминов, потому что выхолащивание значений может привести к бесплодности позитивной эвристики программы (но иногда именно стандартизация значений может оказаться прогрессивной)» [Лакатош, 2007: с. 26]. То есть проводится демаркация между расширяемыми и нерасширяемыми (дескриптивными и логическими) терминами в неформальном рассуждении. В то же время разная степень противоречия между высказываниями связывается с (не)формальностью их дискурса и (не)стандартностью интерпретации употребляемых в них терминов.

стимулы ее изменений поступают от позитивной эвристики, а не от аномалий, преимущественно игнорируемых приверженцами программы.

В этом контексте Лакатос рассматривает так называемый тезис Дюгема–Квайна. В соответствии с ним, при должном воображении теоретика любая теория, базирующаяся на отдельном утверждении или на конъюнкции многих утверждений, всегда может быть «спасена» от опровержения. «Спасение» теории возможно, если оперировать связанным с ней предпосылочным (background) знанием. А контрфакты могут быть нейтрализованы посредством адекватной реинтерпретации ее понятий. В частности, В. Квайн объяснял эту возможность так: «... любая пропозиция может сохранить свою истинность, если пойти на решительную переработку той системы, в которой эта пропозиция фигурирует. И наоборот, по той же причине никакая пропозиция не наделена иммунитетом от ее возможной переоценки» (цит. по: [Лакатош, 2013: с. 10–11]). То есть при необходимости исследователь может заменить любые из предпосылок или утверждений в своем «дедуктивном механизме», внести изменения в разные части знания и таким образом восстановить его непротиворечивость с достоверными фактами. Согласно точке зрения Лакатоса, такая замена любой части научного знания будет иметь смысл только при условии прогрессивного «сдвига проблем», в результате которого можно предполагать новые факты. Лишь до тех пор, пока позитивная эвристика генерирует новые факты, приверженцы исследовательской программы будут продолжать ее реализовывать. Участие ученых в конкурирующих исследовательских программах, их выбор и поддержка зависят от долгосрочной продуктивности этих программ в нетривиальном решении научных проблем, способности инициировать поиски в новых предметных ареалах.

К признакам регресса научной исследовательской программы относятся: «безрассудная смелость» ее приверженцев в выдвижении бесплодных гипотез сродни «диким и неукротимым фантазиям»; запаздывание с открытием фактов; отсутствие взвешенности в восприятии аномалий, что проявляется обычно как в игнорировании их, так и в повышенной чувствительности к ним; реагирование на аномалии не планомерной перестройкой «позитивной эвристики», а, главным образом, несистематическими, спорадическими «пробами и ошибками»; заполнение предметного поля «неукротимыми аномалиями»; накопление «бесплодных противоречий» и приращение количества гипотез *ad hoc*; проявления потери программой «своего эмпирического характера» [Лакатош, 2007: сс. 15–16, 28]. Речь идет также о других признаках бесплодности и упадка исследовательской программы: 1) введение ее приверженцами новых понятий или других переформулировок в попытках объяснить противоречивые факты (discrepant evidences); 2) эти переформулировки никогда не указывают на какие-то новые неожиданные факты, то есть не утверждают ничего о мире, кроме того, что было обнаружено и утверждалось на основе несогласующихся фактов; 3) ни одно из новых теоретических утверждений не проходит успешных тестирований или же вовсе отсутствуют новые утверждения, кроме предлагаемых для объяснения противоречивых фактов; 4) изменяется не то, что мы знаем о мире, а метки — обозначения содержания (semantic labels) для описания противоречивых фактов, которых исходная теория не предполагала [Vasquez, 1997: p. 901]. Если исследовательская программа в итоге исчерпывает свой эвристи-

ческий потенциал и перестает быть способной предполагать ранее неизвестные факты, ее приверженцы могут отказаться от «твердого ядра» неизменных фундаментальных оснований. Речь идет о разрушении этого «ядра», что означает элиминацию или прекращение существования и программы в целом, тогда как ее приверженцы после отказа от исследований в ее рамках переориентируются на другие программы.

Впрочем, исследовательская программа не отменяется сугубо негативной и разрушительной критикой со стороны соперников. Приверженцы исследовательской программы обычно проявляют незаурядное упрямство и упорство в борьбе за ее выживание. Поэтому сами по себе эмпирические аномалии, свидетельства противоречивости между достоверными фактами и исследовательской программой не опровергают ее. Решающих эмпирических аргументов — подтвержденных контрфактов в отношении исследовательской программы, которые могут раз и навсегда опровергнуть ее, не существует. Диалектика развития исследовательских программ, как отмечает Лакатос, вовсе не сводится к чередованию умозрительных программных теоретических предположений и эмпирических опровержений их. Лишь конструктивная критика исследовательской программы и предложение продуктивной альтернативы ей со стороны приверженцев конкурирующих исследовательских программ могут иметь реальный успех.

Лакатос считает отказ ученых от исследовательской программы возможным только при наличии одновременно ряда условий. Во-первых, когда данная исследовательская программа уже не является прогрессивной и ее позитивная эвристика теряет способность генерировать новое теоретическое знание. Во-вторых, когда все эмпирические факты этой исследовательской программы учитывает одновременно существующая другая достаточно мощная и конкурирующая с ней исследовательская программа. В-третьих, когда эта вторая альтернативная исследовательская программа предлагает также новое эмпирическое содержание и по этой характеристике превосходит первую программу. Указанные три условия в совокупности конституируют Лакатосову углубленную (*sophisticated*) версию фальсификации. «Строгим эмпирическим требованием» углубленного фальсификационизма считается «требование Лейбница–Уэвелла–Поппера, согласно которому хорошо продуманное *создание матриц должно происходить гораздо быстрее, чем регистрация фактов, которые должны быть помещены в эти матрицы*» [Лакатос, 2013: с. 13]. Несмотря на эмпирические аномалии, противоречащие теории, она не считается фальсифицированной и опровергнутой самим их существованием, пока ученые не предложат другую, лучшую, чем эта, теорию. Иными словами, фальсификация определенной теории реализуется только тогда, когда ее вытесняет лучшая теория со значительно большим эмпирическим содержанием. То есть углубленная фальсификация не ограничивается взаимосвязью теории и эмпирической базы, поскольку основывается на сети взаимосвязей между конкурирующими теориями и их эмпирической базой в процессе конкуренции.

В рамках Лакатосовой методологии предлагается, по его словам, новый критерий демаркации между: 1) «зрелой наукой» на базе конкурирующих исследовательских программ, обладающей эвристическим потенциалом, обуславливающим автономию научного теоретизирования; и 2) «незрелой наукой»,

образующейся из «тривиальной последовательности» или «паттерна затянувшихся проб и ошибок». Таким образом, полноценная наука понимается как область конкуренции не отдельных теорий, а исследовательских программ — серий в разной мере концептуально и предметно родственных теорий, что и делает возможным непрерывный рост научного знания. Путь этого роста видится определяющимся прежде всего творческим воображением теоретиков, которые при достаточном усердии поисков способны найти новые эмпирические данные для подтверждения своих теоретических идей. Не только теоретическое, но и эмпирическое развитие науки обеспечивается креативностью теоретизирования.

Лакатос убежден, что научные теории могут, в конечном счете, приводить к увеличению истинных и уменьшению ошибочных выводов и, очевидно, в этом сугубо специальном значении, будут увеличивать свое «правдоподобие» [Лакатос, 2013: с. 13]. Указанное «правдоподобие» («verisimilitude») он понимает как проясненное различие между истинным и ошибочным содержанием какой-либо из ряда существующих теоретических версий. То есть здесь речь идет не об интуитивно явном «подобие истине» (truthlikeness): все научные теории, когда-либо созданные человеческим разумом, он считает в равной мере «неправдоподобными» (unverissimilar). При этом термин «правдоподобие» в этом случае означает квазитеоретическое различие между количеством истинных и ошибочных следствий из теории, то есть различие, которое мы никогда не сможем точно определить, но о котором можем строить предположения [Лакатос, 2013: с. 15]. Предполагаемый рост такого «эмпирического правдоподобия» теорий именно в этом значении и считается целью науки. Для исследования указанного научного роста Лакатос собственно и предложил свою методологию анализа научных исследовательских программ.

Методология анализа исследовательских программ

При использовании методологии анализа научных исследовательских программ развитие определенной науки рассматривается как перманентное приращение таких программ в ходе их соперничества, что приводит к прогрессивным и регрессивным «сдвигам проблем». Эти научные события не только объективно фиксируются и описываются, но и рационально реконструируются в истории и философии науки:

«Приступая к написанию исторического очерка, нужно, полагаю, придерживаться следующей процедуры: 1) провести рациональную реконструкцию данного события; 2) попытаться сопоставить эту рациональную реконструкцию с соответствующей действительности историей, чтобы подвергнуть критике как рациональную реконструкцию — за отсутствие историчности, — так и реальную историю — за отсутствие рациональности. Поэтому всякому историческому исследованию должна предшествовать эвристическая разработка: история науки без философии науки слепа» [Лакатос, 2007: с. 14].

Для оценки и сравнения мер прогрессивности исследовательских программ исследователи используют такие обоснованные критерии, как, например, их внутренняя консистентность, оригинальность, объединительный (unifying) потенциал и эвристический потенциал. Свообразными «мерилами» прогрессивности определенных исследовательских программ также считаются коли-

чество и качество продуцируемых в их рамках теорий, объемы исследовательской деятельности их приверженцев на уровне выдвинутых рабочих гипотез. Ведутся импровизированные «подсчеты» затрат и выгод от функционирования определенных исследовательских программ для научной дисциплины в целом. Оценивается и способность исследовательской программы привлекать и удерживать ведущих и наиболее креативных исследователей в данной дисциплине, способных расширять позитивную программную эвристику и обеспечить ее долговечность.

В ходе анализа развития ранней квантовой физики Н. Бора Лакатос очерчивает композицию (модель) «краткого очерка исследовательской программы»: «Рассказ об исследовательской программе... должен охватывать: 1) изложение исходной проблемы; 2) указание на негативную и позитивную эвристики; 3) проблемы, которые предполагалось решить в процессе ее развития; 4) описание момента, с которого началась ее регрессия (своего рода «точки насыщения»); 5) программу, которая пришла ей на смену» [Лакатош, 2007: сс. 15–16]. Эта композиция отражает главные аспекты структуры и динамики исследовательской программы (рис. 2). Вместе с тем серьезное внимание в очерке следует уделить аспектам научной проблематики, по поводу которых вводится и развивается исследовательская программа. Речь идет об описании научных проблем как противоречий в рамках научного знания — между известным и неизвестным, что может стать и становится тоже известным благодаря исследовательским поискам.

Сердцевиной исторического очерка научной исследовательской программы следует считать выражение ее эвристики — негативной и позитивной, в частности последней — в ее динамике. Структурирование эвристики исследовательской программы имеет следствием формулировку методологических оснований анализа истории науки: «...позитивная и негативная эвристики вместе взятые дают образцовое (неявное) определение «концептуального каркаса» (а значит, и языка). Поэтому, если история науки понимается как история исследовательских программ, а не теорий, то в этом и приобретает определенный смысл утверждение о том, что история науки — это история концептуальных каркасов или языков науки» [Лакатош, 2007: с. 24]. Собственно концептуальный каркас науки образуют ее стержневые понятия, вокруг которых выстраиваются плодотворные исследовательские программы. Эти понятия обеспечивают единый концептуальный контекст для различных теоретизирований в рамках каждой исследовательской программы, а также между конкурирующими исследовательскими программами в науке. Поэтому рациональная историческая реконструкция развития науки предполагает анализ трендов изменчивости ее понятийного состава в целом и ее основополагающих исследовательских программ в частности. И речь не только о естественных и технических науках, но и о поведенческих, социальных и гуманитарных науках.

В историческом анализе исследовательских программ необходимо учитывать и социальную и социально-психологическую природу процесса продуцирования научного знания. Как правило, ученые являются членами своих профессиональных групп, сообществ и организаций с определенными коллективными профессиональными стандартами, кодексами и этикой. Науки, в свою очередь, развиваются в определенном социальном контексте и подвержены его влиянию. Научные поиски и достижения каждого ученого (не) при-

обретают значимость в дисциплинарном контексте, который совместными усилиями создает профессиональное сообщество конкретной отрасли науки. Каждый ученый ищет решение научных проблем, встающих перед той или иной отраслью его науки, его профессиональным сообществом, учреждением, исследовательским центром. Он неизбежно вынужден сотрудничать со своим профессиональным окружением, учитывать в своей научной деятельности доминирующие и устоявшиеся в нем метатеоретические, теоретические, методологические, методические, идеологические и этические ориентиры. Поэтому в историческом анализе исследуемые достижения определенного ученого необходимо контекстуализировать, учитывая социальное время и окружающую среду его появления.

На основе собственной методологии анализа исследовательских программ Лакатос крайне критично оценивал современное ему развитие социальных и поведенческих наук. В частности, он обвинял марксистов и фрейдистов в научной небрежности, которая проявлялась, по его мнению, в их отказе подвергнуть фальсификации собственные теоретические позиции. В целом Лакатос констатировал «...слабость программ, которые, подобно марксизму или фрейдизму, обычно являются «единицами», предлагают грандиозный план, по которому определенного типа вспомогательные теории создаются для того, чтобы поглощать аномалии, но ... на самом деле всегда изобретают свои вспомогательные теории вслед одним фактам, не предполагая в то же время других. (Какие новые факты предположил марксизм, скажем, начиная с 1917 года?)» [Лакатош, 2013: с. 23]. Отставание марксизма и фрейдизма в теоретическом осмыслении новых достоверных фактов эмпирической социальной реальности, их абсолютная прогностическая несостоятельность во второй половине XX века были, как считал Лакатос, проявлением регрессивности этих научных исследовательских программ.

Критикуются и другие проявления теоретической слабости исследовательских программ в социальных и поведенческих науках. Речь, в частности, идет о «приглаженных, не требующих воображения скучных сериях «эмпирических» подтасовок», которые, по наблюдениям Лакатоса, часто встречались в современной ему социальной психологии: «Такого рода подтасовки способны с помощью так называемой «статистической техники» сделать возможными некоторые «новые» прогнозы и даже наколдовать несколько неожиданных крупиц истины. Но в таком теоретизировании нет никакой объединяющей идеи, никакой эвристической силы, никакой непрерывности. Из них нельзя создать исследовательскую программу, и в целом они бесполезны» [Лакатош, 2007: сс. 23–24]. Более того, категоричностью, безапелляционностью и сокрушительным запалом отмечены и Лакатосовы утверждения о статистическом анализе эмпирических данных в социальных науках в целом: «...роль статистической техники в социальных науках главным образом определяется тем, что она дает аппарат для фальшивых подкреплений и тем самым видимость «научного прогресса», тогда как в действительности за этим не стоит ничего, кроме псевдоинтеллектуального мусора» [Лакатош, 2007: с. 29]. Таким образом, по сравнению с естественными науками, социальные и поведенческие науки он считал менее

развитыми в теоретическом и эмпирическом аспектах, а перспективы их прогрессивного развития — весьма неоднозначными¹.

Впрочем, несмотря на беспрецедентные строгость и сарказм Лакатосовых оценок социальных и поведенческих наук, и в этих науках предпринимались серьезные усилия для рецепции углубленного фальсификационизма и методологии анализа научных исследовательских программ. Эти усилия имели определенные успехи. Методологическое наследие Лакатоса было инкорпорировано в эти науки. Дж. Гайдтман, К. Висенская и Я. Шматка считают стержневыми принципами постпозитивистской перспективы в социологии три из четырех принципов вывода (*collary principles*), которые артикулировал Александер на основе рецепции Лакатосовой методологии. Согласно первому принципу, не существует понятия «теоретически нейтрального (*theory-neutral*) наблюдения»: «Все научные данные теоретически нагружены (*theory-informed*)» [Alexander, 1982: p. 30]. Объяснение этого принципа польские социологи основывают на мнении К. Диксона, который утверждал, что все эмпирические данные в естественных и социальных науках не являются нейтральными, поскольку всегда рассматриваются на основе и в терминах определенной теории или накапливаются на базе основополагающих (*background*) допущений. И возможность рассматривать эмпирические данные как сильные (*hard*) почти всегда зависит от уже существующего хорошо обоснованного и устоявшегося теоретического каркаса. Поэтому нет ни одного «наблюдения», которое предшествовало бы «теории» в форме «протокольных утверждений». Все наблюдения считаются «чреватými теорией» («*theory-impregnated*») и интерпретациями фактов. Научное знание не является результатом сугубо эмпирических данных, ибо оно не является производным непосредственно от сенсорных ощущений ученых, возникающих при взаимодействии с исследуемой реальностью. Ученые воспринимают (или наблюдают) из всего сенсорно ощутимого при взаимодействии с исследуемой реальностью прежде всего то, что могут понимать (или интерпретировать). Каждое научное наблюдение или эксперимент предполагает определенные априорные теоретические представления ученых для его интерпретации; эти теоретические представления и определяют то, что наблюдается. В принципе, научное знание образуется вследствие сочетания и сложного взаимодействия сенсорных ощущений исследуемой реальности, априорных представлений о ней, а также умственных способностей, эмоций и чувств ученых, их ценностей и этики.

Второй принцип постпозитивизма предполагает, что научные теории не выстраиваются и не тестируются индуктивно: «*Эмпирические представления (commitments) не базируются исключительно на экспериментальных данных*» [Alexander, 1982: p. 30]. Объяснение этого принципа основывается на идее К. Поппера о том, что наука в целом не продуцируется посредством индукции, и идее Т. Куна о том, что теории в целом вряд ли индуцируются — то есть выво-

1 Этому способствует также большее, чем в естественных науках, преобладание социальных и социально-психологических факторов над рационально-логическими факторами мотивации теоретических предпочтений сторонников исследовательских программ: «...если даже в естествознании признание теории зависит от численного преобладания ее приверженцев, силы их веры и голосовых связок, тогда что же остается социальным наукам; следовательно, истина базируется на силе» [Лакатош, 2013: с. 7].

дятся из эмпирических фактов. Исходя из этого, Дж. Гайдтман, К. Висенская и Я. Шматка утверждают, что экспериментальные или эмпирические доказательства не являются значимыми в генезисе теории. Если подобные факты противоречат теории, это не заставляет непосредственно отклонить ее. В итоге ни одно абстрактное утверждение в науке не может быть окончательно верифицированным. Для подтверждения теоретического утверждения можно провести множество тестов, и всегда есть вероятность, что следующий тест его не подтвердит. Поэтому валидность научных законов никогда не может быть окончательно верифицированной. С постпозитивистской точки зрения, ни один эмпирический тест теории не имеет для нее решающих последствий. Все теории считаются не только в одинаковой мере недоказуемыми и невероятными, но и вместе с тем в одинаковой мере непроверяемыми. Речь идет о гипотетической природе научной деятельности, которая предполагает неминуемую теоретическую контекстуализацию наблюдения, эксперимента и других методов получения эмпирических данных. Все эти методы получения эмпирических данных играют важную роль в научных исследованиях, поскольку являются способом взаимодействия с исследуемой реальностью. Но смысл всем наблюдениям, экспериментам, опросам и другим методам сбора данных придают априорные гипотезы. Поэтому научные знания считаются в большей мере связанными с попытками теоретических объяснений и сложными способами их проверки, чем с сугубо эмпирическими данными.

Согласно третьему принципу постпозитивизма, теории в науке не тестируются обособленно, поодиночке. Вследствие этого, *«фундаментальный сдвиг (shifts) в научных убеждениях происходит лишь тогда, когда эмпирические изменения отвечают существующим альтернативным теоретическим представлениям (commitments)»* [Alexander, 1982: p. 32]. Объяснение этого принципа зиждется собственно на принципах Лакатосового углубленного фальсификационизма. В методологических рамках последнего подтвержденные эмпирические контрфакты сами по себе не являются достаточным условием для отклонения (фальсификации) определенной теории, поскольку она вытесняется лишь другой, более релевантной теорией. Изменения исключительно в эмпирическом фактаже научной дисциплины обычно игнорируются или расцениваются как необъясненные аномалии. В итоге наука видится коллективным делом профессионального сообщества и исследовательских центров ученых, которые постоянно продуцируют конкурирующие версии теоретического и эмпирического знания. Все развитие науки представляется как двухуровневый процесс, движимый как теоретическим, так и эмпирическим аргументом. Механизм научного развития заключается в том, что прогрессирует наука в целом, а не отдельные ее составляющие — теории, эксперименты или наблюдения. Посредством достижения определенной согласованности полученных результатов теоретизирований и наблюдений за исследуемой реальностью и конститuiруется научный прогресс. Эти результаты контекстуализируются, то есть становятся значимыми, конкурируют со своими альтернативами и постоянно пересматриваются в рамках научной исследовательской программы.

Попытки рецепции Лакатосовой методологии анализа научных исследовательских программ в социологии можно объяснять предполагаемой релевантностью аналитической модели структуры и динамики исследовательской

программы (рис. 2) в анализе социологического знания. В рамках последнего аналитически выделяются метатеоретический, теоретический и эмпирический структурные уровни [Резнік, 2019]. Просматриваются некие условные структурные аналогии: между «твердым ядром» и «негативной эвристикой» исследовательской программы, с одной стороны, и метатеорией — с другой; между «защитным поясом» и «позитивной эвристикой» исследовательской программы, с одной стороны, и теорией — с другой; между эмпирическим содержанием исследовательской программы, с одной стороны, и эмпирикой социологии — с другой. Можно отметить и ряд аналогий динамики функциональных связей между указанными структурными составляющими исследовательской программы, с одной стороны, и динамики функциональных связей между метатеоретизированием, теоретизированием и эмпирическим анализом в социологии — с другой. Все эти аналогии концептуально проявились в ходе модифицирования и локализации Лакатосовой методологии исследовательских программ в социологии силами исследователей Стенфордского университета М. Зелдича, Дж. Бергера и Д. Вагнера. Их апробированная социологическая версия данной методологии, известная как методология анализа теоретических исследовательских программ, заслуживает отдельного рассмотрения.

Выводы

Несмотря на акцентирование априорных теоретических оснований эмпирического социологического анализа еще в наследии основателя социологии О. Конта, эта идея долгое время оставалась на периферии в рамках разработанной им позитивистской методологии. Социологи начали рефлексивно реализовывать ее благодаря рецепции в социологии постпозитивистских моделей научного развития К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и др. В постановке и решении методологических проблем истории науки (включая социологию) постпозитивисты выходили за рамки и отталкивались от предпосылок сугубо позитивистской методологии. В частности, Лакатосова постпозитивистская методология анализа научных исследовательских программ выделяется на фоне предшествовавших ей версий позитивизма рядом особенностей. В отличие от раннего, логического и инструментального позитивизма, в рамках постпозитивизма не культивируется жесткое противопоставление эмпирических фактов и теоретизирования, а также существенно смягчена дихотомия «эмпирическое vs теоретическое». Вопреки убеждениям ранних позитивистов, постпозитивисты признают неустранимость из научного знания философских (метафизических) оснований — в форме негативной эвристики исследовательской программы. На фоне веры в безусловный прогресс науки (в частности — социологии), свойственной представителям различных версий позитивизма, ученые-постпозитивисты подвергают сомнению бесспорность прогрессивного развития научного (социологического) знания и ищут его доказательства. Логико-позитивистский анализ структуры и символической логики научного знания уступает место постпозитивистскому сосредоточению на попытках понять его динамику и развитие. Внимание исследователей-постпозитивистов в основном нацеливается на историю генезиса и изменчивости научных идей и тенденций теоретизирования, изучение соответствия идеальных моделей научного знания его реальным

прототипам. И в этом плане заслуживает дальнейших исследований выяснение того, как углубленный методологический фальсификационизм Лакатоса и идеи других постпозитивистов концептуально локализируются в различных измерениях социальных и поведенческих наук самими представителями этих наук.

Источники

- Асп, Э. К. (2000). *Введение в социологию*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кун, Т. (2001). Структура научных революций. Київ: Port-Royal.
- Кутуев, П.В. (2005). Концепції розвитку та модернізації: еволюція дослідницьких програм соціологічного дискурсу. Київ: Сталь.
- Кутуев, П. (2017). Модерн(и): історії, теорії та практики. Соціологічна інтерпретація: монографія. Херсон: Видавничий дім «Гельветика».
- Лакатош, І. (2007). Методологія наукових дослідницьких програм. Психологія і суспільство, 4, 11–29. Отримано з: <http://pis.wunu.edu.ua/index.php/uapis/article/view/315/315>
- Лакатош, І. (2013). Дослідницькі програми Поппера і Куна у фокусі фальсифікаціонізму. Психологія і суспільство, 4, 6–17. Отримано з: <http://pis.wunu.edu.ua/index.php/uapis/article/view/679>
- Малиш, Л. (2019). *Принципи та правила вимірювання структурних нерівностей у соціології: монографія*. Київ: НаУКМА.
- Мельников, А.С. (2018). *Экзистенциальная социология: проблема идентификации парадигмальной специфики: монография*. Киев: Миллениум.
- Мельников, А. (2019). Метaparадигмальна структура сучасного соціологічного знання. В: В. Резник (ред.), Соціологічне метатеоретизування: історія та сучасність (сс. 226–248). Київ: Інститут соціології НАН України.
- Поппер, К. (1994). Злиденність історизму. Київ: Абрис.
- Резник, В. (ред.). (2019). Соціологічне метатеоретизування: історія та сучасність. Київ: Інститут соціології НАН України.
- Ритцер, Дж. (2002). *Современные социологические теории*. Санкт-Петербург: Питер.
- Alexander, J. C. (1982). *Theoretical Logic in Sociology, Volume 1: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*. Berkeley: University of California Press.
- Arthur, L.H.M., Terrazzan, E.A. (2018). A Natureza da Ciência na escola por meio de um material didático sobre a Gravitação. *Revista Brasileira de Ensino Física*, 40 (3). Retrieved from: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1806-11172018000300503; <https://doi.org/10.1590/1806-9126-rbef-2017-0233>
- Heidtmann, J., Wysienska, K., Szmataka, J. (2000). Positivism and Types of Theories in Sociology. *Sociological Focus*, 33 (1), 1–26. DOI: 10.1080/00380237.2000.10571154.
- Leong, S.M. (1985). Metatheory and Metamethodology in Marketing: A Lakatosian Reconstruction. *Journal of Marketing*, 49 (4), 23–40.
- Popper, K.R. (2017). Die Logik der Sozialwissenschaften. Referat. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie (Suppl 1)*, 69, 215–228. Retrieved from: https://kzfss.uni-koeln.de/sites/kzfss/pdf/SH_56-2017.pdf.
- Turner, J.H. (1979). Sociology as a Theory Building Enterprise: Detours from the Early Masters. *The Pacific Sociological Review*, 22 (4), 427–456.
- Vasquez, J.A. (1997). The Realist Paradigm and Degenerative versus Progressive Research Programs: An Appraisal of Neotraditional Research on Waltz's Balancing Proposition. *The American Political Science Review*, 91 (4), 899–912. DOI: 10.1007/s11577-017-0425-6.

Получено 27.08.2021

References

- Alexander, J.C. (1982). *Theoretical Logic in Sociology, Volume 1: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*. Berkeley: University of California Press.

Arthury, L.H.M., Terrazzan, E.A. (2018). The Nature of Science in school by means of a educative material on Gravitation. [In Portuguese]. *Brazilian Journal of Physics Education*. 40 (3). Retrieved from: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1806-11172018000300503; <https://doi.org/10.1590/1806-9126-rbef-2017-0233>

Asp, E. (2000). *Introduction to Sociology*. [In Russian]. St. Petersburg: Aleteia. [= Асп 2000]

Heidtmann, J., Wysienska, K., Szmata, J. (2000). Positivism and Types of Theories in Sociology. *Sociological Focus*, 33(1), 1–26. DOI: 10.1080/00380237.2000.10571154.

Kuhn, T. (2001). *The Structure of Scientific Revolutions*. [In Ukrainian]. Kyiv: Port-Royal. [= Кун 2001]

Kutuev, P. (2005). *Conceptions of development and modernization: the evolution of research programs of sociological discourses*. [In Ukrainian]. Kyiv: Steel. [= Кутуєв 2005]

Kutuev, P. (2017). *Modern(s): history, theories and practices. Sociological interpretation: monograph*. [In Ukrainian]. Kherson: Helvetica Publishing House. [= Кутуєв 2017]

Lakatos, I. (2007). Methodology of scientific research programs. [In Ukrainian]. *Psychology and Society*, 4, 11–29. Retrieved from: <http://pis.wunu.edu.ua/index.php/uapis/article/view/315/315>. [= Лакатош 2007]

Lakatos, I. (2013). Popper and Kuhn's research programs in the focus of falsificationism. [In Ukrainian]. *Psychology and Society*, 4, 6–17. Retrieved from: <http://pis.wunu.edu.ua/index.php/uapis/article/view/679>. [= Лакатош 2013]

Leong, S.M. (1985). Metatheory and Metamethodology in Marketing: A Lakatosian Reconstruction. *Journal of Marketing*, 49 (4), 23–40.

Malysh, L.O. (2019). *Principles and rules of measurement of structural inequalities in sociology*: monograph. [In Ukrainian]. Kyiv: National University of Kyiv-Mohyla Academy. [= Малиш 2019]

Melnikov, A.S. (2018). *Existential Sociology: The Problem of Identifying Paradigmatic Specificity*: Monograph. [In Russian]. Kyiv: Millennium. [= Мельников 2018]

Melnikov, A. (2019). Metaparadigmatic structure of modern sociological knowledge. [In Ukrainian]. In: Reznik, V. (Ed.), *Sociological Metatheorizing: History and Present Day* (pp. 226–248). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Мельніков 2019]

Popper, K. (1994). *The Poverty of Historicism*. [In Ukrainian]. Kyiv: Abris. [= Понпер 1994]

Popper, K.R. (2017). The logic of the social sciences. Presentation. [In German]. *Cologne Journal for Sociology and Social Psychology* (Suppl 1), 69, 215–228. Retrieved from: https://kzfss.uni-koeln.de/sites/kzfss/pdf/SH_56-2017.pdf

Reznik, V. (Ed.). (2019). *Sociological Metatheorizing: History and Present Day*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Резнік 2019]

Ritzer, G. (2002). *Modern Sociological Theory*. [In Russian]. St. Petersburg: Piter. [= Ритцер 2002]

Turner, J.H. (1979). Sociology as a Theory Building Enterprise: Detours from the Early Masters. *The Pacific Sociological Review*, 22 (4), 427–456.

Vasquez, J.A. (1997). The Realist Paradigm and Degenerative versus Progressive Research Programs: An Appraisal of Neotraditional Research on Waltz's Balancing Proposition. *The American Political Science Review*, 91 (4), 899–912. DOI: 10.1007/s11577-017-0425-6.

Received 27.08.2021

ВОЛОДИМИР РЕЗНІК

Аналіз дослідницьких програм: соціологічний ракурс

Витоки та зміст методології наукових дослідницьких програм І. Лакатоса розглядаються з урахуванням проблематики та завдань історії соціології. Рецензію методології дослідницьких програм у соціології можна пояснити релевантністю аналітичної моделі структури та динаміки дослідницької програми в аналізі соціологічного знання. В межах соціологічного знання аналітично розрізняють метатеоретичний, теоретичний та емпіричний структурні рівні. Спостерігаються певні структурні аналогії: між «твердим ядром» та «негативною евристикою» дослідницької програми, з одного боку, та метатеорією — з іншого; між «захис-

ним поясом» та «позитивною евристикою» дослідницької програми, з одного боку, та теорією — з іншого; між емпіричним змістом дослідницької програми, з одного боку, та емпірикою соціології — з іншого. Можна спостерігати певні аналогії динаміки функційних зв'язків між структурними компонентами дослідницької програми, з одного боку, та динаміки функційних зв'язків між метатеоретизуванням, теоретизуванням та емпіричним аналізом у соціології — з іншого.

Ключові слова: позитивізм, постпозитивізм, фальсифікація, дослідницька програма

ВЛАДИМИР РЕЗНИК

Анализ исследовательских программ: социологический ракурс

Истоки и содержание методологии научных исследовательских программ И. Лакатоса рассматриваются с учетом проблематики и задач истории социологии. Рецепцию методологии исследовательских программ в социологии можно объяснить релевантностью аналитической модели структуры и динамики исследовательской программы в анализе социологического знания. В рамках социологического знания аналитически различают метатеоретический, теоретический и эмпирический структурные уровни. Наблюдаются определенные структурные аналогии: между «твердым ядром» и «негативной эвристикой» исследовательской программы, с одной стороны, и метатеорией — с другой; между «защитным поясом» и «позитивной эвристикой» исследовательской программы, с одной стороны, и теории — с другой; между эмпирическим содержанием исследовательской программы, с одной стороны, и эмпирикой социологии — с другой. Можно наблюдать ряд аналогий динамики функциональных связей между структурными компонентами исследовательской программы, с одной стороны, и динамики функциональных связей между метатеоретизированием, теоретизированием и эмпирическим анализом в социологии — с другой.

Ключевые слова: позитивизм, постпозитивизм, фальсификация, исследовательская программа

VOLODYMYR REZNIK

Analysis of research programs: a sociological perspective

The origins and content of the methodology of scientific research programs of I. Lakatos are considered taking into account the problems and tasks of the history of sociology. The reception of the methodology of research programs in sociology can be explained by the relevance of the analytical model of the structure and dynamics of the research program in the analysis of sociological knowledge. Within the framework of sociological knowledge, metatheoretical, theoretical and empirical structural levels are analytically distinguished. Certain structural analogies are observed: between the «hard core» and «negative heuristics» of the research program, on the one hand, and metatheory, on the other; between the «protective belt» and the «positive heuristic» of the research program, on the one hand, and theory, on the other; between the empirical content of the research program, on the one hand, and the empirical basis of sociology, on the other. One can observe a number of analogies in the dynamics of functional connections between the structural components of the research program, on the one hand, and the dynamics of functional connections between metatheorizing, theorizing, and empirical analysis in sociology, on the other.

Keywords: positivism, post-positivism, falsification, research program